

Л. Мартынов вполне испытал на себе давление власти, когда гражданский голос его Музы практически был надолго заглушен, и «вольнолюбивые» стихи накапливались в ящике стола:

Не шёлка облако душистое,
 Не цирк и даже не кино,
 Я покажу вам небо чистое.
 Не видывали давно.

(«Чистое небо», 1947)

Все, о чем бы он ни писал, несут в себе солидный философский заряд, все «оплодотворено» пытливой мыслью и неторопливой мудростью. Слову такого поэта доверяешься до конца, ибо оно, созревшее, не брошено случайно. При этом впечатление такое, что сам процесс рождения слова-мысли поэтом нарочито приоткрыт: смотрите, мол, что получается. Почитайте мартыновское «По существу ли эти споры?..»: пули-то свищут не в пространство – огонь-то идет по человеку – правда-то часто загромождена словесными завалами!.. -

Итак, к какому же решению
 Он, человек, пришёл сейчас? –
 Он, человек, пришёл к решению
 Не быть ходячею мишенью
 Для пуль, и бомб, и громких фраз!
 И человек
 Вступает в споры...

Судите теперь, «по существу ли эти споры»?..

Поэт твердо сознаёт своё гражданское право участвовать в них, и его убежденность в необходимости иметь при этом человеку «свой голос» – страстна, как клятва:

Мой голос, этот вот,
 Велик он или мал,
 Я, не боясь невзгод,
 Упорно поднимал...
 Поддержан, заглушён,
 То тайный, то прямой,
 Каков бы ни был он,
 Он мой, он мой, он мой!
 («Голоса»)

В советское время гражданские мотивы в литературе вообще и в поэзии в частности стали восприниматься большинством как естественные. Но именно вследствие этого социального завоевания появилось новое гражданское качество – это его высокое самосознание, личная ответственность всех и каждого в отдельности за судьбу своей Родины и своего народа.

В известный период этим неотъемлемым правом советского человека было дано пользоваться не всем. Настроение обеспокоенности по этому поводу в стихах поэтов того и последующего времени, когда народу было поведено о противоречиях известного периода, вполне понятно. Именно это настроение личного участия в жизни своей страны и передано в приведенных строках Мартынова. Для советского поэта-гражданина важно, чтобы, наряду с другими, был услышан и его голос. Тут, повторяю, не самонадеянность, а уверенность в высокой ответственности поэта перед своим народом.

Вместе с тем у Л. Мартынова в стихах о назначении поэта постоянно варьируется и традиционная идея классической гражданской поэзии Державина, Рыльева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева (стихотворения «Так велика гора черновиков...», «Начало начал», «Скоморох», «И по земле моей кочуя...»):

Есть на земле высокое искусство –
Будить в народе дремлющие чувства...

Хочу иметь такое око,
Какое око у пророка.

«Будить в народе дремлющие чувства» («сердца тревожить», – по Пушкину) и предвидеть ход событий – эти два больших русла вбирают в себя значительную и лучшую часть мартыновского творчества.

31 января 1950 года Л. Мартынов пишет многозначительное стихотворение «Зима. Снежинка на реснице...», где ему удается пророчески уловить какие-то еще неясные тогда, но неизбежные тенденции к изменению норм жизни советских людей. Поэт уверен, что «вторая половина века» «наступит на глотку разной мрази грязной»:

Предвижу
Это наступленье
На всех отступников
презренных!

В традициях русской классической поэзии еще со времен Кантемира Л. Мартынов ведет «это наступленье» сам. И незамедлительно наталкивается на «сопротивление материала», оказавшись один на один с важнейшими и труднейшими вопросами времени. Но он не уходит в себя, не обособляется в своих переживаниях. Наоборот, в этой личной ответственности и проявляется у Мартынова его гражданский долг разобраться во всех противоречиях жизни, «мир наш увидеть без прикрас» и суметь отыскать в нем

лесную чащу,
где негде прятаться
в кусты,

суметь увидеть

Время,
Что бежало
От вздумавших
убить его,

стихи о глубокой симпатии к человеку,

которого мытарили,
всячески трепали, зуботычили,
купоросили и скипидарили,
но в конце концов
не обезличили.

(См. стихотворения «Микробы», «Ложь», «Всё выскажу», «Человек, которого ударили...»).

К этому проблемному стрелю стихов Мартынова тяготеют другие, близкие по своему гуманистическому тону: это волнующая тема взаимодоверия людей,

Хоть и диктует разум наш,
что всё ж ещё полезна
бдительность, увы!

это тема ложного возвеличивания себе подобных:

О, как я ненавижу
богомазов!

Это тема пошло-наигранного восхищения уходящей в историю, тяжелой и отсталой во всех отношениях, крестьянской старины, бодряческого заигрывания с жизненными трудностями:

будь проклят тот
сентиментальный лжец,
что воспевал
крестьянское жилище.

Это тема ставшей уже мартыновским афоризмом «дистиллированной воды», то есть фразёрства, «всяких пустых междометий»:

различаю всё чётче и чётче,
как в дела
превращаются речи.

(В стихотворениях «На берегу», «Терриконы», «О, крохотные бюстики великих...», «В мире сорных трав», «Наш путь в тайгу...», «Старина», «Удача», «Вода», «XXI век»).

В.В. Маяковский писал о разного рода нечисти, «налипающей нам на бока», мешающей строить, работать и жить («Разговор с товарищем Лениным»). Л. Мартынов сумел разглядеть многочисленность этой когорты. Мера ненависти поэта к таким существам соответствует мере того бесстрашия, с каким он хлещет по ним строчками беспощадных стихотворений («Итоги дня», «Гномы», «Трусы»):

Творя свои чудеса,
Хоть не походили
на праздничную иллюминацию
Революционные небеса.

Интересно, что доверительная, часто разговорная интонация мартыновского стиха, являющаяся вообще его неотъемлемым достоинством, особенно «выигрышна» в стихотворениях на темы сугубо общественные, философские. «Чистое небо», «снежинка на реснице», «след» – иносказательные образы поэзии Л. Мартынова, метафоричность палитры которой всегда тяготела к философско-созерцательному ряду. «Микробы», «Терриконы», «В мире сорных трав», «Вода», и «Где-то там испортился реактор...» – вот стилистика иносказательных заглавий – образов-символов поэзии Л. Мартынова 50–60-х годов.

Этим же своеобразием и достоинством отличаются стихотворения Л. Мартынова, отмеченные особым гражданским качеством, присущим советской поэзии.

Что же это за качество?

Советский гражданин, в силу особого международного положения его страны, обеспокоен и предельно чуток ко всему происходящему в мире:

И снова мир
За что-то впал в немилость:
Промчался вихрь,
Напитан дымной пылью...
(«Шквал»);

И еле слышный ветерок
Чуть зазвенел
и замер, как курок.
(«Ночные звуки»);
Одно волнение уляжется –
Другое сразу же готовится.
(«Земля»).

У соотечественников Л. Мартынова очень высокий коэффициент тревожности за судьбы «беспокойного рода людского» (Л.М.), очень низкий «болевого порог» (медицинский термин):

Люди... прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают...
И кого-нибудь линчуют...
(«Люди»)

Это повышенное, обостренное чувство тревоги и обеспокоенности за Жизнь на Земле пронизывает стихотворения «Ночь. Где-то там, на страшной вышине...», «Март», «Белый диск», «Антарктида». Слова о ледовом материке согреты теплым, поистине человеческим чувством:

Не случайно часто у Л. Мартынова мысли о неизбежном обновлении человеческого бытия передаются через телесное ощущение весны, прохлады, ливня, мороза («Примёрзло яблоко...», «Градус тепла», «Снег тает», «Март», «Мороз»).

Гражданская поэзия Л. Мартынова прививает нам вкус и любовь к жизни, обучает простой и мудрой грамоте оптимизма, хотя и не всегда легко бывает постичь ее и в обозначенные два десятилетия прошлого века, и в веке нынешнем – в сложные и бурные времена. Жизнь Л. Мартынова видит, слышит, обоняет, осязает, изучает, оценивает, познает – и всегда о т к р ы в а е т. Этим каждодневным открытием и живет:

Ведь всё-таки
жизнь моя –
                                праздник!
Хоть грозный,
А все-таки праздник.
                                («Праздник»)

Праздник Леонида Мартынова – не однодневное календарное веселье. Этот праздник нескончаем и прекрасен своим суточным круговоротом. А гости поэта – люди его страны, люди всей Земли, от имени которых он и говорит, в стихотворении «Мы как мы!...»:

Ну, а мы
                                опять о чём-то новом
Продолжаем спорить горячо...

...50–60-е годы для Евгения Евтушенко – это первое без малого двадцатилетие его творчества. Если Л. Мартынов в то время представлял своим творчеством поколение «отцов», то Е. Евтушенко был одним из самых беспокойных «детей» беспокойного века России. Беспокойло же эти два поколения, по сути, самое главное для советских людей – их отношение к завоеваниям Октябрьской революции:

Великое не может быть обманом,
но люди его могут обмануть.
                                (Е. Евтушенко)

Притягательность поэзии Е.Евтушенко в то время была фантастической, и шла она прежде всего от «характера автора» (Л. Толстой), от особого настроения его души – доверительного, искреннего, откровенного и человеческого (два наиболее популярных сборника назывались «Взмах руки» и «Нежность»). Мальчишеские задор, влюбчивость и рисовка («Я сибирской породы...», «На велосипеде», «Шоссе энтузиастов») к этому времени прошли, а упрямство выросло в непримиримость – ту самую, которая нужна людям, как и «добрый взмах руки»:

Хочу я ссориться по крупной
и не хочу по мелочам.

По признанию самого поэта, после первых уроков жизни он «остался оптимистом», но оптимизм его был «уже не голубой или розовый», а многоцветный, «с черным в том числе». Откровением поэта с середины 50-х годов стала «гражданственность – талант нелегкий».

Воспоминания военного детства («Армия», «Рояль», «Мама», «Сапоги») выхватывают прежде всего моменты насилия, бездушного поведения власть предержащих, демагогов от партии, «прохиндеев» («Мед», «Концерт», «Наследники Сталина», «Моя групповщина», «Прохиндей», «Песни революции», «Большевик» из поэмы «Братская ГЭС», «Когда мужики ряболицы...», «Страхи», «Карьера»). Обличительность этих стихов:

Им, кто юлит, усердствуя,
и врет на собраньях всласть,
не важно, что власть –
советская,
а важно им то, что – власть

постепенно углубляется, делается менее митинговой и более личностной:

Надумана задача –
стать великим.
Твоя задача – маленьким
не стать.

Здесь угадан нерв будущей перестройки середины 80-х годов.

Достоинством поэзии Е. Евтушенко является ее умышленная, «программная» обнаженность. Поэзия его развивалась и взрослела на наших глазах. Сам поэт никогда не скрывал этапов и вех этого роста. Такая эволюция живо напоминает творческий путь В. Маяковского, с его открытой, незащищенной поэтической душой:

Душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая,
и окровавленную
дам,
как знамя.

«Поэзия первоначально принимается сердцем и уже потом им передается голове», – писал В.Г. Белинский. В творчестве таких разновозрастных поэтов, как Л. Мартынов и Е. Евтушенко, мысль критика находит своеобразное подтверждение: первоначальное восприятие гражданской темы обоих поэтов, идущее сразу «к сердцу», не антагонистично, оно, наоборот, перекликается, взаимодополняется:

у Л. Мартынова

Что-то
Новое в мире.

Ветер,
ветви,
Весенняя сырость.

На деревьях рождаются
                    листья,
Из щетины рождаются
                    кисти...

И человек
вступает в споры...

Продолжаем спорить горячо

Потеплел он
(«луч закатный». – А.Н.)
И смягчился,
перестал на всё коситься.
Наконец-то научился
К людям лучше относиться.

...И устав проклипать
                    и молиться,
Людям хочется быть заодно.

у Е. Евтушенко

Свежести! Свежести!
Хочется свежести,
свадебной снежности,
и незаснеженности,
свежести мускулов,
мозга, мазка,
свежести музыки
и языка.

О, нашей молодости споры!

Пусть же всюду,
оглушая город спорами...

...разговаривают
люди по-апрельски!

...Ты – катер связи.
Спешь волнами
                                    разъяренными...
меж всеми, льдом
                                    разъединенными
и ждущими объединения.

*   *
*
*   *
*   *
*   *
*   *

Таким образом, проблемных разночтений в гражданской позиции Л. Мартынова («отцы») и Е. Евтушенко («дети») мы не находим. Это тот самый случай, о котором писал В.Г. Белинский: «В полной и здоровой натуре (независимо от возраста. – А.Н.) тяжело лежат на сердце судьбы родины...».

Восприятие же «головой» (т.е. способом эмоционального, чисто стилистического воплощения этой единой идейной позиции) у Л. Мартынова и Е. Евтушенко – разное. Для анализа возьмем самое наглядное – семантическую экспрессивность слов:

<u>у Л. Мартынова</u>	<u>у Е. Евтушенко</u>
<i>молчать я не могу</i>	<i>хочу я ссориться по крупной</i>
*	*
	*
<i>человек вступает в споры</i>	<i>оглушая город спорами</i>
*	*
	*
<i>и смывается всякая плесень</i>	<i>чтоб ...провалилось</i> <i>все, что слезалось</i>
*	*
	*
<i>и нечего друг дружку</i> <i>щупать с ног до головы</i>	<i>страшнее... принять</i> <i>поспешно</i> <i>друга за врага</i>
*	*
	*
<i>плодят бациллу,</i> <i>жгут свиней</i>	<i>он (земной шар. – А.Н.)</i> <i>кровью собственной намок</i>
*	*
	*
<i>все я должен высказать</i>	<i>запечатлять всевидящая</i> <i>страсть</i>

Как видим, Л. Мартынов передает читателю свою поэтическую информацию «проще», «обыденнее», «тише» (возраст – умудренность опытом), чем Е. Евтушенко, который выбирает слова, соответствующие самому высокому эмоциональному потолку того или иного образа, понятия (максимализм молодых).

Повышенная экспрессивность слововыражения в стихах Е. Евтушенко проистекает от характера преподнесения поэтической мысли читателю, от ее «характера», какой бывает у людей: спокойный или вспыльчивый, задумчивый или нервический. «Характер» поэзии Е. Евтушенко необыкновенно активный, напористый. Это поэзия страстного внушения, горячего проповедничества, поэзия сиюминутного воздействия на чувства человека:

Нужны тебе, революция,
солдаты, а не лакеи.

Поэзия Е. Евтушенко – поэзия пафоса, и это делает ее звучаще-ораторской.

Поэтическое мироотношение Л. Мартынова – неторопливо и менее эмоционально. Его поэзия по преимуществу – размышляющая как бы в момент общения с читателем. Отсюда – и ее ритмическая размеренность, идущая от интонации неторопливого монолога (диалога), а иногда даже неожиданная, как бы нечаянная, корявость:

Всё это отрывка из рыхлой
 утробы,
 Где вызреть в гигантов
 мечтают микробы

(вспомним Бориса Слуцкого и его «прозаизированную» поэзию).

Но – странное дело! – эти же «недостаточно эмоциональные» слова именно своей «непричесанностью» возбуждают наши чувства («голову» – по Белинскому). Так, применительно к иносказательному образу «микробов», олицетворяющих людскую трусость и самоуничужение, такая семантическая наполненность слова придает образу глубокий поэтический смысл. Но достиг он нашего сознания не только силой эмоционального воздействия, но и в результате нашего логического умозаключения.

Ту силу воздействия, которую Е. Евтушенко достигает эмоциональной искренностью и поэтическим пафосом, Л. Мартынов находит в логике воплощенного в слове образа.

Но – странное дело! – эти же «недостаточно эмоциональные» слова именно своей «непричесанностью» возбуждают наши чувства («голову» – по Белинскому). Так, применительно к иносказательному образу «микробов», олицетворяющих людскую трусость и самоуничужение, такая семантическая наполненность слова придает образу глубокий поэтический смысл. Но достиг он нашего сознания не только силой эмоционального воздействия, но и в результате нашего логического умозаключения.

Ту силу воздействия, которую Е. Евтушенко достигает эмоциональной искренностью и поэтическим пафосом, Л. Мартынов находит в логике воплощенного в слове образа.

Литература

1. *Леонид Мартынов*. Первородство // Книга стихов. М., 1965. – 350 с.
2. *Леонид Мартынов*. Во-первых, во-вторых и в-третьих: Стихи разных лет. М., 1972. – 303 с.
3. *Леонид Мартынов*. Избранная лирика. М., 1973. – 190 с.
4. *Леонид Мартынов*. Собр. соч.: В 3-х т. М. Т. I: Стихотворения. 1976. – 718 с. Т. II: Стихотворения, поэмы. 1977. – 686 с.
5. *Леонид Мартынов*. Избранные произведения: В 2-х т. / Сост., подгот. текстов и примеч. Г.А. Суховой – Мартыновой, Л.В. Суховой. М. Т. I: Стихотворения (1919-1965). 1990. – 461 с.
6. *Евгений Евтушенко*. Взмах руки: Стихотворения и поэмы. М., 1962. – 365 с.
7. *Евгений Евтушенко*. Идут белые снега... М., 1969. – 431 с.
8. *Евгений Евтушенко*. Поющая дамба: Стихи и поэма. М., 1972 – 175 с.
9. *Евгений Евтушенко*. Интимная лирика // Книга зарубежной публицистики. М., 1973. – 190 с.
10. *Евгений Евтушенко*. Поэт в России – больше, чем поэт. М., 1973. – 334 с.
11. *Евгений Евтушенко*. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1975:
12. *Евгений Евтушенко*. Собрание сочинений: В 3-х т. М., 1983. – 559 с.